

Я решил не пропускать Дивинацию и запереться в библиотеке, чтобы выучить побольше заклинаний. Я уже освоил Оглушение и нашел отличное заклинание, которое превращало мою палочку в хлыст. Честно говоря, я выучил его просто потому, что не мог устоять, но оно тоже могло пригодиться. Каменная кожа была готова и разлита по бутылкам, а одежда василиска ждала своего часа. Учитывая, что все шло хорошо, я не мог оправдать себя за прогулы.

Я уже начал жалеть о том, что не сказал "к черту все". В тускло освещенной комнате было знойно жарко. Дым от благоухающего огня был тяжел как никогда. У меня голова шла кругом, когда я присела на пуф в темном углу, пытаюсь воспользоваться охлаждающим эффектом теней. Я увидел, что Гарри, выглядевший таким же усталым, как и я, прильнул к окну рядом с ним, а профессор Трелони смотрел в другую сторону. Я прислонился спиной к углу позади себя и позволил глазам опуститься до полумглы.

"Дорогие мои, - сказала профессор Трелони, усаживаясь в свое крылатое кресло перед классом и оглядывая всех своими странно увеличенными глазами, - мы почти закончили работу над планетарными гаданиями. Однако сегодня у нас будет прекрасная возможность изучить влияние Марса, так как в данный момент он расположен очень интересно. Если вы все посмотрите сюда, я приглушу свет..."

Она взмахнула палочкой, и лампы погасли. Теперь единственным источником света был огонь. Профессор Трелони наклонилась и подняла из-под своего кресла миниатюрную модель Солнечной системы, заключенную в стеклянный купол. Это была очень красивая вещь. Каждая из лун мерцала на своем месте вокруг девяти планет и огненного солнца, и все они висели в воздухе под стеклом. Я закрыл глаза, когда профессор Трелони начал объяснять, под каким захватывающим углом Марс движется к Нептуну. От него веяло тяжелым ароматом духов, а прохлада теней была приятна для моей липкой, потной кожи.

Тяжело вздохнув, я почувствовал, что погружаюсь в дремоту...

Мой мальчик стоял посреди ванной комнаты для девочек на втором этаже. Стонущей Миртл там, похоже, не было, с некоторым весельем заметил я. Впрочем, она мне не нравилась, так что, конечно, в моих снах ее бы не было.

Мой мальчик был старше, чем я когда-либо видела его. Он учился на пятом или шестом курсе, с прямым носом, угловатым лицом и великолепными серыми глазами. Его волосы были как всегда аккуратно уложены, а одежда казалась немного красивее. Он был потрясающе красив, и я похвалила свой разум за то, что он мне приснился. Вот если бы он был настоящим и всего на год или два моложе...

Меня снова затащило в его тело. Я чувствовала нетерпеливый ком в его горле, как будто он был моим, когда мы подошли к раковинам. Мой мальчик протянул руку, проводя пальцами по гравировке змеи на боку одного из кранов. Внутри его тела я скорчил гримасу. Вот что я получил за то, что в последнее время так много работал над мантиями...

Мой мальчик открыл рот и шипел: "Открой". Как обычно, я услышал шипение парселтонга,

наложенное на человеческие слова и почти заслоняющее их. Я бесстрастно наблюдал за тем, как раковины отползают назад и скрываются из виду, открывая проход в Тайную комнату. В первый раз это было впечатляюще, но теперь, когда я знал, что там находится, меня немного забавляла эта мелодрама.

Мой мальчик дрожал от волнения, когда шагнул к отверстию. "Губка", - сказал он, направляя палочку на край туннеля. Я с любопытством наблюдал за его палочкой. Как ни странно, она была сделана из дерева, похожего на тис, но с крючком, похожим на кость, на конце рукоятки.

Визуально ничего не произошло, но он выглядел довольным, когда зажег свою палочку и бросил нас в туннель.

Я был готов к обычному грубому и болезненному скольжению, но вместо этого оно оказалось довольно мягким, и казалось, что туннель немного поддается. Я проклинал себя за то, что никогда не думал использовать смягчающие чары на туннеле во время своих путешествий по нему - это была магия первого курса!

Мы выскользнули в прихожую, заваленную скелетами. Мой мальчик скорчил гримасу, когда под его ботинком хрустнула грудная клетка летучей мыши, и приподнял край мантии. Я слегка ухмыльнулся. Немного чопорный, не так ли?

"Интемерата!" - сказал он, направив палочку на подол мантии. Он отпустил их, и я с некоторым любопытством заметил, что скелеты на полу в том месте, где упала его мантия, словно оттолкнуты невидимой силой. Это были чары Невозмутимости? Странно, я ведь никогда не учил заклинания... откуда мой мальчик его знает?

Решив, что, возможно, я уже слышал его вскользь и запомнил в подсознании, я отпустил эту мысль. Мой мальчик начал идти к туннелю, его шаги были торопливыми и нетерпеливыми, а палочка освещалась и была высоко поднята. Я чувствовал, как колотится наше сердце, и его мысли эхом отдавались в моем сознании.

Так близко... так близко... почти там... почти там...

Он обогнул несколько поворотов. Я заметил, что шкуры василиска нигде не было видно. Может, мое подсознание решило устроить в Палате весеннюю уборку?

Мой мальчик остановился, с благоговением глядя на извивающихся змей, вырезанных на стене перед ним. Его глаза блуждали по скульптурной чешуе, и он поднял взгляд на рубины, сверкающие в глазницах.

"Красиво", - прошептал он, и я был вынужден согласиться. В палате было темно и немного сыро, как и в Общей комнате Слизерина, но она обладала той же успокаивающей, прохладной и влажной атмосферой, которая так нравилась мне в подземельях. Даже неспециалисту было

понятно, что архитектура здесь прекрасна.

"Открывай", - снова шипит он, и стены расступаются. За ним простирались, уходя высоко в темноту, колонны, украшенные резными змеями. Я уже привык к величию Палаты, поскольку видел ее раньше. Я знал, насколько впечатляющими были колонны и статуя Слизерина.

Мой мальчик видел это впервые. Он шел по проходу между колоннами, вглядываясь в темную воду по обе стороны, направляя палочку, чтобы залить светом глубину Зала, останавливался, вглядываясь в темноту и щурился, пытаясь разглядеть потолок. Он поворачивался то в одну, то в другую сторону, замороженный окружающими пейзажами.

Наши сердца учащенно забились, когда мы подошли к статуе Салазара Слизерина. Мысли моего мальчика превратились в лихорадочный гул, эмоции и мысли мелькали в его голове так быстро, что я не мог их удержать. Благоговение, гордость, неверие, радость, раздражение, гнев... и под всем этим - глубокий и холодный привкус горечи.

Звук ударов чешуи о сталь был похож на скрежет напильника. Мальчик напрягся, его мысли разом успокоились, когда в голове прозвучало одно слово.

Василиск.

"Незванный гость, - шипела змея, скользя по дорожке позади нас, время от времени погружая часть своего массивного тела в воду и выныривая с легким хлюпающим звуком. "Тебе здесь не место! Ты недостойн! Незванный гость, ты будешь моей едой!"

"Остановись!" - зашипел мальчик, чувствуя, как восхитительное ощущение силы разливается по его жилам, когда он выпрямил спину. "Я не нарушитель! Эта палата принадлежит мне по праву рождения! Я - наследник Слизерина!"

Змея остановилась. "Ты..." Она казалась растерянной. Мы вздрогнули, когда змея подошла еще ближе. Она была так близко, что ее нос зачесался назад, и она глубоко вдохнула, приносясь к нам. С шипением она слегка отступила, высунув язык и пошевелив волосы. "Ты".

Это уже не было вопросом.

Я выскочила из своего мальчика. Теперь я стоял перед ним, наблюдая за тем, как на его лице отражается маниакальный восторг, а губы растягиваются в непристойную ухмылку. Он пристально, но безразлично смотрел перед собой на статую Салазара Слизерина. Он физически дрожал от нахлынувших на него эмоций, а позади него нависал змей. Во сне я мог спокойно смотреть в его желтые, как лампы, глаза.

"Я - наследник Слизерина!" - восторженно воскликнул мой мальчик. "Я Том Риддл! Я - Лорд

Волдеморт!"

"Нет!" - вскрикнул я и в замешательстве огляделся вокруг. Несколько голов с любопытством повернулись в мою сторону, но большая часть класса была сосредоточена на фигуре, свернувшейся в клубок у окна и прижавшей руки ко лбу.

"Гарри", - глухо произнес я, пошатываясь и вставая на ноги. "Гарри!" Реальность ситуации стала очевидной, и я побежал через класс, перепрыгивая через стол, за которым сидели Лаванда Браун и Парвати Патил. Я бросился рядом с Гарри и с тревогой наблюдал за тем, как он открывает глаза. Его лицо было бледным и потным, а зрачки широко раскрыты.

Рон стоял на коленях рядом со мной и выглядел испуганным. "Ты в порядке?" - спросил он.

"Конечно, нет!" - ответила профессор Трелони, выглядевшая очень взволнованной. Её огромные глаза нависли над нами и смотрели на Гарри. "Что это было? Поттер? Предчувствие? Наваждение? Что ты видел?"

"Ничего", - резко ответил Гарри. Он сел и огляделся вокруг. Я потянулся и положил руки ему на плечи. Я чувствовал, как он дрожит.

"Ты в порядке?" обеспокоенно спросила я. Мое сердце бешено колотилось. От эмоций во сне, от концовки, от того, что, проснувшись, я увидела Гарри, свернувшегося калачиком на земле...

"Ты зажимал свой шрам!" - сказал профессор Трелони. "Ты катался по полу, сжимая свой шрам! Пойдемте. Поттер, у меня есть опыт в таких делах!"

Гарри поднял на нее глаза. Я обернулся, чтобы посмотреть на старую летучую мышь. Я открыл рот, чтобы что-то сказать. Гарри прервал меня, что, наверное, было очень хорошо, учитывая, что то, что я собирался сказать, было обильно сдобрено ругательствами и оскорблениями.

"Мне нужно в Больничное крыло, я думаю", - сказал он. "Сильно болит голова".

"Мой дорогой, вас, несомненно, стимулировали необычные ясновидческие вибрации моей комнаты!" - воскликнул профессор Трелони. "Если вы сейчас уйдете, то можете потерять возможность увидеть дальше, чем вы когда-либо..."

"Я не хочу видеть ничего, кроме лекарства от головной боли", - коротко ответил Гарри.

"Я отведу его в Больничное крыло", - так же коротко сказал я.